

С. Е. Никитина

ПУТИ-ДОРОГИ В ЖИЗНИ И ДУХОВНЫХ СТИХАХ СТАРООБРЯДЦЕВ РУССКОГО СЕВЕРА

А Н Н О Т А Ц И Я. Преимущественно на материале текстов старообрядческой культуры Русского Севера рассматриваются типы движения / перемещения отдельных лиц и локальных групп, обусловленные внешними и внутренними для этих групп факторами, являющимися для них насильственными или добровольными. Так, север, место ссылок преступников и инакомыслящих, в том числе старообрядцев, притягивал к себе и вольных людей, стремившихся утвердить свою веру на новых пространствах. И в тех, и в других была готовность к внезапным переменам и опасностям, то есть повышенная мобильность. Возникали новые поселения, распространялись духовные произведения, в частности духовные стихи. Во многих из них была идея дороги как в физическом земном пространстве, так и жизненного пути в духовном смысле (узкий путь), а также эсхатологической дороги в мир иной, на Божий суд. Замечательное единство образа «путевой» жизни и образа мысли очевидно в культуре согласия бегунов, или странников: миссионерские путешествия, бегства от «врагов» — церковных и светских властей, насильственные отторжения пастырей от группы, то есть аресты, отражены в их рассказах и духовных стихах. Приводятся три полных текста неизвестных ранее стихов с комментариями автора статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русский Север, старообрядческая культура, типы перемещений, земные пути-дороги, духовный путь, эсхатологическая дорога, странники, странничество, бегство, духовные стихи, тексты

УДК 398.88(470.1/2)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-68-82

НИКИТИНА СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА — д.филол.н., г.н.с., Институт языкознания РАН (Россия, Москва)

E-mail: seniki38@mail.ru

Царь небесный, дай нам бодрость в этой жизни путевой...
(Из стиха бегунов)

Холодно и неудобно на просторах Русского Севера — традиционного места ссылок и лагерей для государственных и церковных бунтарей, уголовников, инакомыслящих. В советское время, кроме названных, тут отбывали наказание кулаки — местные и привезенные издалека, ни в чем не повинные люди, осужденные по 58-й статье, а также представители иной, для властей, по-видимому, враждебной, национальности, например немцы Поволжья, крымские татары, а также украинцы и эстонцы после присоединения соответствующих земель в начале Второй мировой войны.

Однако Север своими громадными морскими просторами, чистыми реками и озерами, богатыми рыбой, дремучими лесами, где, если надо, нетрудно скрыться, манил к себе и вольных людей, жаждущих свободного жизнеустройства или утверждения своей веры на новых местах. И этим людям приходилось туго в долгом и незнакомом пути. Дорога всегда таит опасности. В народном миропонимании существует множество правил, как нужно вести себя в дороге (Щепанская 2003). Вряд ли эти правила могли быть применимы в советских теплушках, а вот новгородцам, колонизовавшим север, преодолевавшим обширные пространства суши и воды, они, наверное, были нужны. Мобильность, готовность к внезапным переменам и опасностям должна была стать необходимой чертой личности или группы, а идея пути-дороги к далекой цели — главным стимулом на длительное время. Постепенно складывался субэтнос поморов, людей сильных и мужественных, добывающих средства к жизни опасным морским промыслом. Среди них были люди, не принявшие изменений в церковных книгах и обрядах православной церкви, введенных патриархом Никоном.

Со временем количество старообрядцев, или староверов, возрастало. Соловецкий монастырь был оплотом старой веры, осажденный царскими войсками в 1668 г. и взятый в 1676 г. Помнят об этом и теперь — в очень немногих селениях и отдельных общинах поморского согласия, каковых было много еще около ста лет назад. А тогда, после разгрома, оставшиеся в живых соловецкие иноки бежали на материк, в Поморье и Заонежье, и находили там единомышленников. Уже в конце XVII в. на реке Выг возникло Выгорецкое общежительство, ставшее на Севере новым оплотом старой веры, вернее, ее разновидности — даниловского, или поморского, согласия (Юхименко 2002). Появились ставшие известными не только на севере скиты, такие как Топозерский мужской или Пертозерский женский. С Выгорецией был связан Великопоженский скит, под влиянием которого возникали и крепились старообрядческие центры на реках Колве и Печоре (Чагин 1998).

На Зимнем берегу Белого моря также существовали старообрядческие скиты. Там было много переселенцев из других краев. Как пишет исследователь истории старообрядчества Л. Н. Хрушкая, «по преданиям, бытовавшим среди поморского населения еще в начале XX века, вождь старообрядцев протопоп Аввакум, находясь в Пустозерской ссылке, через эти старообрядческие скиты поддерживал связь с восставшей братией Соловецкого монастыря» (Хрушкая 2003: 103). По данным Л. Н. Хрушковой, в тундре в 1680 г. были основаны Сёмженские кельи. Позднее появились скиты в Золотицкой волости, а еще позднее возник скит и на реке Койде. Как считает исследовательница, некоторые факты подтверждают предположение, что старец Ануфрий (Онуфрий), основатель скита в чернораменных лесах Нижегородского края, и создатель скита на реке Койде — одно и то же лицо. В отличие от архангельских и карельских староверов-беспоповцев, ануфриевцы принадлежали к беглопоповской вере и в XVIII в. поддерживали связь с другими центрами поповщины. В XIX в. многие скиты, в том числе Ануфриевский, были упразднены как «рассадники» старообрядчества (Хрушкая 2003). Жители села Койда в конце XX в. вспоминали, что их деды говорили: «Вера

староверская — от келий». После закрытия скитов кельи были пустыми, потом их заселяли, главным образом приезжие / беглые старообрядцы. О них в Койде говорят: «Заставляли щепотью молиться, вот и бежали». Из Койды, как мне рассказывали, старообрядка белокрыницкой церкви ездила на Соловки, чтобы окончательно убедиться, что «старообрядческая вера пошла от соловецких иноков» и что «земля там святая» (ПМА 1998, А. П. Малыгина, 1911 г. р., с. Койда Мезенского р-на Архангельской обл.).

История создания и жизни скитов в Поморье и Заонежье красноречиво говорит о поистине трудно измеримых по величине и тяжести путях-дорогах, по которым шли старообрядцы на новые места, об установлении и функционировании дорожных связей по земле и по воде между созданными поселениями, связей весьма рискованных, поскольку они могли вызывать репрессии церковных и светских властей.

Для окружающего населения старообрядцы были образцом нравственно-религиозных устоев, крепости духа и примером образа жизни, хотя и сурового, но достойного уважения и даже подражания. Они были также носителями христианского знания, прежде всего книжного. Они умели рассуждать о способах спасения души и делились окологнижными знаниями эсхатологических примет и предсказаний (Никитина 1998). Кроме того, старообрядцы были знатоками самых разнообразных стихов о сотворении мира и о его конце, о суете и грехах человеческой жизни, о расставании души с телом; словом, о том, как нужно жить, чтобы достичь спасения. Замечу, что роль духовных стихов в XX в. в старообрядческих согласиях возросла по сравнению с прошлым временем: устные стихи как учебники жизни заменяли постепенно утрачиваемую церковнославянскую грамотность и христианские книги.

Как пишет один из исследователей в начале XX в., «следует отметить весьма оригинальное явление, наблюдаемое среди поморского населения. Очень многие и мужчины, и женщины, всю жизнь проведенные в православии, на старости лет, когда чувствуется близость смерти, переходят в старообрядчество. Это явление — массовое в Поморье. Объясняется это поверьем, что тот, кто принимает старообрядчество перед смертью, попадает прямо в царство небесное, ибо старообрядчество — эта самая угодная Богу религия» (Цейтлин 1912: 159).

Предметом моего описания является отражение соответствия между образом мыслей и образом жизни старообрядцев двух согласий — поморского и бегунского — в текстах их духовных стихов на примере концепта пути-дороги как одного из важнейших составляющих их культуры. Материалом служат не только тексты стихов, но и различные высказывания старообрядцев в процессе моего с ними общения, фразы из их прозаических сочинений, рассказы о своей жизни.

Все пути-дороги в религиозном поэтическом русском фольклоре можно разделить на три группы: пути-дороги в физическом пространстве Земли, включая и временной смысл путешествия; жизненные пути-дороги, или духовные, как избранный тип/образ жизни, эти пути-дороги могут быть правильными (истинными, праведными) и неправильными (ложными, греховными); наконец, пути-дороги загробные, эсхатологические, ведущие в мир иной. Необходимо отметить, что значений и употреблений слов «путь» и «дорога» в русском языке большое количество, например «дорога» в словаре С. И. Ожегова имеет четыре значения (Ожегов 1972: 161), а «путь» — семь (Там же: 583); в словаре В. Даля «дорога» тоже имеет множество значений и употреблений, в том числе во фразеологизмах (Даль 1978 Т. 1: 473–474), статья «путь» в несколько раз объемнее статьи «дорога» (Там же Т. 3: 543–544). Я же далее обращаю внимание только на те значения этих слов, которые являются ключевыми в пространстве духовных стихов старообрядцев (необязательно созданных ими, но входящих в их репертуар) и функционируют в качестве специфических и существенных опорных

смыслов старообрядческой картины мира. Эти смыслы основаны на общей идее направленного перемещения в трех пространствах — земного физического, духовного жизненного и загробного эсхатологического.

Дороги или движения путников в физическом пространстве Земли (пришел, ушел, ходил и пр.) упоминаются или подразумеваются в самых разных стихах, особенно в эпических духовных стихах, близких к былинам, например в стихах о каликах переходящих или о Егории Храбром. В первом случае это земные дороги фольклорных персонажей, и слова «путь» и «дорога» являются синонимами, указывая и на полосу движения в пространстве, и на движение во времени:

Оны шесть калик пошло да со каликою,
По пути пошли да по дорожоцьки [по полосе движения. — С. Н.]

Встретив в дороге князя Владимира

Ны просили тут по гривны красна золота
А на путь себе на дорожоцьку [на время путешествия. — С. Н.]
(Беломорские старины и духовные стихи 2002: № 160).

Во втором случае Егорий Храбрый, восстанавливая порядок на земле Святорусской после нашествия цариша-Кудреянища, едет не по дорогам, а по бездорожице, но в определенном направлении, пролагая пути в физическом пространстве (хотя слова «путь» обычно в этих текстах нет), уничтожая самые трудные заставы своей молитвой и по милости Божией раздвигая горы и непроходимые леса, изменяя недоступные для переправы реки и так далее (Духовные стихи Русского Севера 2015: № 27). Дорога/путь в пространственном физическом смысле имеет начало и конец, то есть направление, поэтому обычный вопрос к идущим: откуда и куда идете?

В дороге земной могут быть судьбоносные встречи, какой, например, является встреча инока с Христом — сюжет, распространенный во многих регионах России и весьма популярный у старообрядцев. Инок идет из пустыни (вариант — идет по дороге) и плачет. Он потерял золотую книгу и ключи от церкви — символы христианского учения и праведной жизни. Бог обещает иноку/черноризцу все вернуть ему, а инок должен вернуться в пустыню и молиться в ней до скончания века. Тем самым Бог возвращает уклонившегося с праведного пути инока на истинную духовную дорогу. Этот текст иносказателен. Дорога духовная, или духовный путь как сознательно избранный жизненный путь, ведущий к спасению души, присутствует во многих северных духовных стихах. В стихе «Мытарства» преподобный Макарий спрашивает ангела:

Проповедай, аньдели мне-ка господён,
Как-то православным людем на сём свети будет жити.
Уж как жить будем, Богу молитце,
И молитце надо, не гордитце,
Не гордитце надо, не возноситце.
И суседам и суседкам надо не бранитце,
И суседов и суседок надо почитати,
И во Божью церков надобно ходити,
И дитей-то надо в церков приучати,
И родителей-то надо почитати,
И голодного-то надо накормити,
Зжадного-то надо напоити,
И нагого надо воболкати,

И убогого надо одевати,
 Странного-то на дом принимати,
И дорожному-ту путь при пути показати [выделено мною. — С. Н.];
 Мёртвого до гроба надо спроважати
 (Беломорские старины и духовные стихи 2002: № 172).

Кроме назиданий, касающихся повседневности, в поучительных стихах обычно указывается триада дел, необходимых для исполнения в мирской жизни в надежде на спасение: пост, молитва и милостыня, о которых говорил Христос в Нагорной проповеди.

В качестве радикального средства спасения в стихах предлагается уход из мира — грешного, прелестного, злого — в чистое место — пустыню или в монастырь/скит. Здесь духовный путь спасения совмещен с физическим уходом из дома, от родных и близких. Как поется в одном из верхокамских стихов беспоповцев-поморцев:

Уж полно тебе, человеце, в мире жити, аелуея.
 Не пора ли тебе, человеце, спасатися, аелуея.
 Да на истинную путь обратитися, аелуея.
 Скидавай-ко ты, человеце, ризы-те цветныя, аелуея.
 Надевай-ко ты, человеце, ризы-те черныя, аелуея.
 Да возьми-ко ты, человеце, образа чуднаго, аелуея.
 Да пойди-ко ты, человеце, во пустыню дальнюю, аелуея.
 (ПМА 1979, П. Р. Першина, 1910 г. р., д. Саватята Кезского р-на Пермского края).

Этот мотив становится сюжетообразующим в эпических стихах об Алексее, человеке Божиим, ушедшем из богатого дома своих родителей в ночь после свадьбы в пустыню богомольну и через много лет возвратившемся в родной дом неузнанным. Он покорно сносит все унижения от слуг отца и, умирая, оставляет сообщение о том, чей он сын. Его мощи творят чудеса. На Севере эти стихи известны многим, как православным (никонианам), так и старообрядцам. Во многих вариантах Алексей слышит глас Богородицы; следуя ему, садится на маленький кораблик, который и везет его в пустыню. В этом стихе путь в физическом пространстве есть одновременно духовный путь постепенного обретения святости.

Самым радикальным уходом из мира был уход не в прекрасное для спасения место — пустыню, но уход в смерть (самосожжение) с верой в получение спасения, и в этом старообрядческий Север весьма преуспел (Романова 2012).

Последний тип путей-дорог — дороги эсхатологические. Это дорога на Страшный суд, то есть к престолу Господню на Втором его Пришествии, и «как Господь восхощет, туда нас и пошлет»: либо в рай, то есть в царство небесное, либо в ад, в муку вечную. Таких дорог обычно две, реже — три. Всегда указываются конечные точки пути, иногда и причина, разводящая людей по разным дорогам: это соблюдение или несоблюдение Закона Божия, то есть житье по своей воле:

Во суди во Божьём / Лежат две дороги,
 По тым по дорогам / Много людей пойдет:
 Первая дорога / Имеёт страх Господень,
 Бога прославляти, / Закон сохранятьи.
 Тым она доводит / В небесное царство.
 Другая дорога / В своей воли жити.
 В своей воли жити, / Закон не хранити,

Тым она доводит / В превещныя муки
(Духовные стихи Русского Севера 2015: № 74; то же: № 122).

Интересны стихи Пертозерского старообрядческого скита (Духовные стихи Русского Севера 2015: 166–225). Записи более тридцати стихов, собранные вместе, демонстрируют старообрядческое миропонимание, поскольку исполнители — старообрядцы, ушедшие из мира в скит. В их стихах выражена самая главная надежда и ценность для человека — его спасение, то есть концепт, который является смысловым центром всего пространства русских духовных стихов. Тексты показывают принадлежность иноков поморскому согласию (стих, посвященный устройтелю Выговской обители Андрею Денисову (Духовные стихи Русского Севера 2015: № 128)); указаны непримиримые противоречия между старообрядцами и никонианами («Воспоминание преболезненное об озлоблении кафоликов» (Духовные стихи Русского Севера 2015: № 111)). В большинстве своем пертозерские стихи лирического склада, посвящены душе, жаждущей спасения, и восхваляют уход из суетного мира — уход физический и духовный одновременно, а также место этого спасения — пустыню как преддверие рая:

И журчаньем вод текущих / Утешаюсь я всегда.
Мирских прелестей влекущих / Чтоб не помнить никогда.
Поля злачны и долины / Здесь блистают красотой,
Все приятны мне и милы, / Что мечтают тишиной.
Мир мне суетный не зрится / Несть и прелести в глазах,
Но лишь дух мой веселится / И ум летает в небесах
(Духовные стихи Русского Севера 2015: № 97).

В стихе «Об умилении душевном» перечисляется около тридцати правил поведения и состояний праведного человека, которые могут избавить душу от «злыя муки превечные» и привести в царство небесное. Среди них есть правила, указанные в стихе «Мытарства», и много других, связанных уже со скитской жизнью: «молчание и смирение, плач, слезы и рыдание, непрестанное моление, на голой земле легание, любовь ко всем равная» и пр. Стихи напоминают о необходимости всегда «иметь память смертную». Грамотные, размышляющие о жизни и смерти старообрядцы осознают, что чем глубже в человеке вера, тем больше он начинает бояться смерти не как конца жизни, а как суда над своей душой. А эта память смертная проистекает из молитвы, и она настраивает человека на истинный, праведный, духовный путь, «путь узкий и тесный», но путь спасения, в отличие от широкого пути грешника, ведущего в ад. На этом пути ему не будет «в помощь слава мира суетного, ни сан, ни честь, ни богатство, любовь ко всем лицемерная, праздность, леность, небрежение, на мягких ложах легание, излишних брашен ядение, праздное в мире хождение» и т. д. (Духовные стихи Русского Севера 2015: № 115).

Своеобразными чемпионами в старообрядческой среде по количеству преодоленных в физическом пространстве дорог или километров на душу населения можно считать согласие бегунов, или странников (они же скрытники). Это беспоповцы, выделившиеся в XVIII в. из филипповского согласия, в свою очередь, происходящего от даниловцев, или поморцев. Долгое время о бегунах в научной литературе было немного сведений. Во второй половине XX в., особенно в конце его, и в начале XXI в. появился ряд интересных исследований, посвященных истории и миропониманию бегунов (см., например: Мальцев 1996; Дутчак 1998; 2007), была рассмотрена догматика и представлены интересные описания-портреты некоторых деятелей бегунства (Сморгунова 1999; 2001).

Себя странники называют «истинно православными христианами». Считая, что антихрист уже «сидит на царстве», они старались не иметь никаких отношений с «антихристовым» государством. Бегуны обижались, когда их называли в некоторых публикациях раскольниками, и объясняли, почему обижаются: раскольники вступили в соглашение с антихристовым государством посредством уплаты налогов, странники же налогов не платили, не имели паспортов, постоянного места жительства и часто даже своих видимых захоронений. Инокони и иноки отказывались от родственных связей (отсюда выражения «бывшая мать», «бывший брат» и т. п.). Странники имели своих видовых, или «странноприимцев», у которых всегда могли найти прибежище. Они очень часто перемещались, для этого были три главных причины. Во-первых, нужно было избегать контактов с чужой верой, чтобы сохранить истинное благочестие. Во-вторых, надо было распространять «истинную» веру, то есть проповедовать (это было своего рода миссионерство) и крестить в бегунство (руководители — отцы — направляли своих верующих в места, где их появления уже ждали, через некоторое время они возвращались и отправлялись в следующий пункт). Третьей причиной перемещений, как следствие первых двух, но никак не менее важной, были постоянные гонения и аресты: нужно было скрываться от церковной и государственной власти. В одной из современных публикаций о культуре бегунов цитируется запись, сделанная на листочке, вложенном в тетрадный рукописный синодик. Исследователь сопровождает ее следующим комментарием: «Свое “положение прожития”, то есть образ жизни “в сие последнее и гонительное время” они называют “бегственным и странственным”» (Сморгунова 2001: 88).

В 1979 г. в поселке Нюзим, одном из центров бегунства, матушка Галина, родившаяся в поморском согласии, или, как старообрядцы говорят, «в поморской вере», рассказывала мне о появлении на реках Колве и Унье первых странников-миссионеров, о своих арестах, и о том, как ей, принявшей новое (бегунское) крещение, часто поручались поездки или походы в поселки, где люди хотели такое крещение принять. Вот фрагменты наших с ней разговоров:

«Моя бывшая родина — деревня Бердыши на Унье. У меня мать была, отец, сестра. Отец скончался. Сестра была взрослая. Хозяйство имели: коров, овечки. Мама грамотная. Мамин брат, бывший дядя, был начитанный. Потом оказалось, что Пасха и Благовещение одновременно [в 1912 г. — С. Н.]: жди второе Пришествие. Поехали в пустынь ждать второе Пришествие. Жили по-своему, по-поморски. Дядя прочитал где-то: от мира ничего не брать, из-под печати антихриста. Все только свое — ни чугунок, ни сковородки. Везде печать антихриста. А другие стали против этого, в пустыне же. Грамотеи-пустынники (говорят): надо собраться вместе. Стали рассуждать обо всем. Спиридон был. Искали всех людей большей грамотности. Спиридоний слушал-слушал: нет, тут не найдешь правой веры. Она у Рукавицыных (мне тогда было 10–11 лет). Приехали (от Рукавицыных, из Ильинского) старцы, три человека. Одиннадцать дней беседовали. Около Ильина дня. Вопросы задавали. Большинство обратились, почти вся Унья, Колва, по Унье, потом по Кысани-речке, там избенки поставили. Не все, конечно, по выбору. Сначала в пустыне поверовали, пустынники, там старцы и жили, сперва-то; потом в деревнях стали проповедовать. Года четыре там жили (в пустыне). Здесь кельи стали, в келью ушли мы с мамой. Меня когда крестили. Жили в келье, потом в Сусай, потом через несколько лет в Талову попросили нас, там подготовили место, а в Сусай другие приехали. На Березовой — она недалеко вытекает — попросила одна женщина своих привести к вере. Потом всё тут закрыли, еще до общего гонения. Всё было до общего гонения, до колхозов. Жили в Гадье. В Русиновой келейка была. В Черепановой жила (на Колве), на Печоре была. Проповедовали среди зырян, там построена была большая келья, жили года два на Печоре, пониже Троицка-Печорска, в Покче. Им надо, чтобы службу вели, там построили большую

келью. — Вас не трогали? — Тоже всяко было. Власть очень обозлилась на христиан. До времени жили. Мы в Черепановой жили, потом нас направили в [неразборчиво], там проповедовали старцы. Сначала одна семья поверовали, большая семья, там было в семье четырнадцать человек, и нас направили туда. В Усть-Урлке начались гонения. Мы жили, я и моя сестра. Почти что всех разогнали, но мы до этого еще уехали. Из Ильинского (Пермь) приехали матушка Леонида с семьей, и мы сюда обратно. В Черепановой жили, тогда гоненье началось (память плохая у меня). — Вас арестовали? — Арестовывали. На лесоразработках в бараках жили зимой, но бараки отопляли. Недолго работали. — Сколько? — Недолго... Я, можно сказать, так, тихонько ушла, ушла, да ушла и не пришла (назад). Уехала. Сначала в Черепанову ушла, пешком, зимой [Вот где понадобился опыт «путевой» жизни! — С. Н.]. Потом забрали маму с сестрой. Крестили они, на них наклеветали, их забрали. Я тогда видовой жила, с работы приехала, рассчиталась и приехала на лето, ее и забрали. Я тогда в Сарапуле жила. Я на разных работах работала. Была видовой, с паспортом, принимала своих. А в 39-м году забрали, пять лет дали, сестре семь. Сестру на четвертый год освободили по болезни» (ПМА 1979, матушка Галина (Г. А. Собянина, 1904 г. р., пос. Нюзим Чердынского района Пермского края).

Бегуны довольно легко снимаются с места: вынужденные перемещения стали со временем имманентным признаком их культуры. Так, Галина Андроновна в свои семьдесят с лишним лет сообщила мне, что собирается ехать в Ташкент, чтобы сделать выписки из книги одного из бегунских старцев: в этой книге собраны высказывания знаменитых людей науки о христианской вере. Инокния Галина имела у себя переносную брезентовую купель. Ее брала с собой, отправляясь в дорогу (чаще всего на лодке), когда приходили вести, что в каком-то селении пожилой человек хочет покреститься в бегунство (обычно это происходило у поморцев и незадолго до смерти).

Мое единственное недолгое посещение бегунов летом 1979 г. и разговоры с матушкой Галиной могли бы так и остаться только при мне, если бы в мои руки не попали два бегунских стиховника, полученных экспедицией Московского государственного университета в деревне Нюзим на реке Колве. Один из них машинописный, другой ксерокопирован с рукописного стиховника, написанного полууставом. Оба, по-видимому, окончательно составлены в первой половине XX в. Каждый стиховник вмещает около сотни различных текстов, многие из них присутствуют в обоих сборниках. Я буду обращаться преимущественно к рукописному стиховнику (далее — Рукопись). Он лишен оглавления, многие стихи не имеют названия, нет нумерации страниц. Но именно эта рукопись помогла мне глубже понять драму бегунской жизни как ни на что не похожее сплетение одиночества, добровольных миссионерских и принудительных арестантских дорог, бегства от властей, разлук с родными и пастырями. И только вера давала силу. Большинство текстов стихов являются общими для разных старообрядческих согласий, прежде всего с поморскими стихами. И это вполне объяснимо: колвинские поморцы приняли бегунскую веру в начале XX в. (см. рассказ матушки Галины), и их стиховники должны были содержать стихи поморцев. Тем не менее рукописный стиховник бегунов вводит нас в их особый мир, который хотелось бы описать как можно подробнее. Здесь же я только укажу несколько особенностей этого мира, связанных с темой дороги¹.

Например, слово «странник» в старообрядческом стихе в форме диалога без названия наполнилось для бегунов специфическим смыслом: ему не страшна дорога, потому что он идет за «Исусом прямо-прямо в небеса».

¹ Тексты стихов приводятся в современной орфографии. Пунктуация источника в основном сохранена. Нумерация текстов произведена автором статьи.

Ты куда идешь, скажи мне, странник с посохом в руке?
 Дивной милостью Господней к лучшей я иду стране.
 Через горы и долины, через степи и поля
 Через леса и равнины я иду домой, друзья.
 За Иисусом прямо-прямо в небеса.

Встреченный просит странника:

Так возьми меня с собою, где чудесная страна.
 Странник дает ему руку:
 Вера чистая, живая нас введет с тобой туда
 (Рукопись: № 80).

Не могу не согласиться с Е. Е. Дутчак, писавшей о персоналистических основах страннической веры, по которой истинная вера будет на земле, пока жив хоть один странник (Дутчак 1998: 52). Миссионерская деятельность часто обрекала странника на рискованные дороги, иногда, правда, с «бывшей матерью» или «бывшей сестрой» (просто «сестрами» обычно называют женщин только своей веры, то есть «сестер духовных»).

В обоих стиховниках часто встречается словосочетание «узкий путь»: Христом указана дорога идти по узкому пути (Рукопись: № 6).

Путь узкий — «благой, правый, прямой, истинный». Но он же «тесный, тернистый, скорбный». Рукопись открывается известным в старообрядчестве стихом «Ангелу хранителю», где ангела спрашивают:

Здесь узкий тесный путь прискорбный, могу ли я его пройти?

Кто жаждет спасения, должен отречься от мира:

Любитель мира враг есть Богу, идя широкою стезей.
 Не любит ко Христу дорогу, а любит он своих друзей
 (Рукопись: № 6).

В стихе «О правом пути» (Рукопись: № 15) Господь открывает человеку «путь истинный», и человек (Я) решает идти в «темные леса», поскольку спасение можно получить только «в отдаленности» от близких.

Пустыня в стихах бегунов предстает отнюдь не такой прекрасной, какой она появляется и каковой обычно называется в духовных стихах. Странник-пустынник говорит:

От красот я удаляюсь, полно льститься суетой,
 Я навеки не пленюся сею дивною мечтой.
 В леса темны водворюся, со зверями буду жить.
 Там в пещере под землю буду рублища носить
 (Рукопись: № 24).

Широко известны в старообрядчестве стихи о страдальцах за веру — протопопе Аввакуме и боярыне Морозовой. У бегунов они не только тоже есть, но являются одними из самых любимых в чтении и пении. Два стиха об Аввакуме («В Даурии дикой пустынной» и «Укрепи меня, о Боже, на великую борьбу» — последний полным текстом спела мне матушка Галина) объединяет тема мучительной дороги. В первом стихе утомленная дорогой протопопица спрашивает мужа: «Долго

ли будем брести?» Аввакум отвечает: «До самые, Марковна, смерти, когда мой наступит конец» (Рукопись: № 63). Во втором стихе тот же вопрос: «Протопоп мой горемычный, долго ль нам еще страдать?» — «Видно, Марковна, до смерти». Тихо, с ласковым лицом — «Что ж, Петрович, — отвечает, — с Богом дальше побредём» (Машинописный сборник: № 44).

Оба они не по своей воле, измученные, бредут по разбитым дорогам земного пространства, но с горячей верой и неуклонной твердостью идут по избранному узкому пути.

Также себя ведут и бегунские страдальцы во многих стихах обоих сборников. Вот фрагмент одного из них:

Пушай нас гонят в Туркестаны, пушай на Север заточат,
Сошлют в Сибирь, другие страны или на смерть приговорят.
Но наше счастье не отнимут, оно внутри нас завсегда.
И сгинет мир, и всё изгинет, но наше счастье никогда.
Оно сокрыто в нашем Духе, в любви и вере во Христа
(Рукопись: № 97).

Стих, посвященный апостолу Павлу, пронизанный благоговением перед великой личностью, также включает тему пройденной Павлом дороги:

Пожелал бы упасть в умиленьи
Перед прахом тех ног, что текли
С проповеданьем слова спасенья
По бесчисленным странам земли
(Рукопись: № 98).

Ниже представлены тексты трех бегунских стихов. Первый рассказывает о реальном бегстве группы бегунов — уходе от «врагов». Описываются скитания в дремучем лесу.

СТИХ «О СТРАННИЧЕСТВЕ» (Рукопись: № 54)

День воскресный наступает, солнце жаркое горит. Христова церковь плачет горько, ожидает палачей. Минуту каждую страшится, трепещет сильно от врага; жизнь проводим в ожиданьи, разрушат наш уголок. Христово стадо зорко смотрит, Бога в помощь всё зовет. Чтоб прошло смятенье в церкви, прошла дьявольска толпа. Царь небесный, дай нам бодрость в этой жизни путевой без конца терпеть страданья в Христове вере во святой.

Молясь мы Богу вдруг явилась на сердцах наших печаль; слышим звуки раздаются, скрываться спешно нам велят. Мы в испуге, со слезами пошли скрываться от врага; грусть от сердца не отходит, чреда нам выпала страдать. День воскресный, рассветает, петухи давно поют. Мы поднимаясь в гору круту, за плечами багажи. О! Христе, царю небесный, сколь нам грустно от врага; но ты прибежище нам буди в этой дальней стороне. Идем, всё тихо! всё спокойно! не слышно шепчущих листов. А на сердце волны бьются как в океане ледокол.

Дивный Бог, творяй на пользу страдать нам грешным в жизни сей; идем далеко друг от друга, тянулись подобно караван. Идем дорогой каменистой, идем не знаем и пути; силы немощны и слабы, стали на старших роптать. Вдруг приятное местечко красиво бросилось в глаза; птички громко напевают, веселят наши сердца. Ива раскинувшая ветви, нас приняла как мать детей, и ручеек журча светлеет, нам хочет жажду утолить. Ты, Отец наш небесный, не оставил нас и здесь; возсылаем к тебе славу, любовь горит у нас к тебе.

Поразклавшись с багажами, разжигать стали пажок [возможно, пожог?]; наварили грибов кастрюлю, набрали ягод для обед. Сели на землю круг чашки, стали хлебать грибы и есть хлеб; подкрепили силы пищей, хвалу Богу принесли.

Время катится пред нами, как колесо в глазах кружась; грехи к грехам всё прилагаем, прошения просим от Христа.

Домы были нам палатки из парусины полотна; комары возле кружатся как пчелы над ульем. Ночевали мы в палатках, подобно цыган во лесу, постель была зелена травка, зголовьем были узолки.

Ночь спокойно проводили, грусть сердечная томит; враг исконный пронырливый, ходит рыкая, поглотит. О! судьба ты обманула: мы послушались тебя; видно Богу так угодно, проживать нам здесь в лесах. Страх врагов царит над нами, приход мы ждём с небес Христа; по делам будем судиться [надстрочная вставка другим почерком. — С. Н.], по делам и места ждать. Не лиши, создатель Боже, вечной радости святых; странства ради отвори нам брачный радостный чертог. Не своя сюда нас воля завела в темны леса, преврати наши печали в веселье радость до конца.

Да и что нас устрашает, медведи ходят здесь в лесу; какая участь нас постигла, беда над нами все кругом. Мысль растет всегда, не вянет, как мы будем привыкать; знать, грустя так жизнь завянет в эти юности года.

Вот картина нашей жизни! читайте внятно, вас прошу и сочувствие имейте к духовным сестрам, вас прошу. Надежду на Бога возложим, прибегать будем к Христу, Покрой нас, Душе Пресвятой, на веки от врагов. Конец.

В конце текста другим почерком обозначена дата 7429 г., то есть 1921 г. Дата ли это самого описываемого события, создания/написания стиха или дата включения в стиховник? Массовый уход в пустыню произошел у колвинских поморцев в 1912 г., когда ожидалось Второе пришествие Христа. Даты не совпадают.

Кто автор или авторы стиха? Не духовные ли сестры? Возможно, со временем удастся ответить на все эти вопросы.

Второй стих посвящен учителю-пастырю, разлученному со своей паствой.

СТИХ К ЛИШИВШИМСЯ УЧИТЕЛЯ (Рукопись: № 29)

Жгучий ветер из пустыни страшным шумом поднялся,
И по свойственной гордыни мучить верных он взялся.
Часть учителей и прочих многих в плен повоевал,
А таимое оставших стадо малое разгнал.
Нас со пастырем сладчайшим своей злобой разлучил.
И гонением тяжтяйшим от всех ближних его скрыл.
Где скрывает наше солнце своя светлые лучи.
Не отрадит наше сердце богодухновенными усты.
Где наш пастырь утаился, попечитель наших душ.
От всех ближних своих скрылся, рачитель правды муж.
Его паства разделися, все лишились в нем отца.
Уже оставил, не печется о разсеянных овцах.
Не скорбит об удаленных и забытых сиротах.
Аще буря не утихнет, его всем нам не видать.
Ветер жестокий не престаёт, его гласа не слышать.
Все помолим мы усердно об нем небесного отца,
Чтоб сохранил его не вредно от всякой скорби до конца.

Свободи его создатель, пользы многих не лиши,
Злобных гордостных гонитель правды гневом сократи.
Не остави без кормила недостаточный корабль,
В нужно время без светила свою церковь не оставь.
Волны бурные утиши в взволновавших тишину.
Глас плачевный услыши многих верных тесноту.
Не пошли нам выше силы твое иго понести,
Помози нам без порока закон правды соблюсти.
Боже, ведый нашу немощь своей невидимой рукой.
Подай и всем укрыться помощь достигнуть в вечный покой.

Кто этот учитель? Может быть, инок Никита Семенович, великий старец, разработавший догматику бегунов? (Сморгунова 2001). Или инок Никита, бывший Никон Степанович? (см. ниже). Или кто-то еще?

Третий стих посвящен судьбе мучеников XX в. Сочинил отец Никита, бывший Никон Степанович, странник в 1930-е гг. Переписано С. Е. Никитиной с тетради матушки Галины в селе Ньюзим Чердынского района Пермской области в июле 1979 г.

О СТРАДАЛЬЦАХ

В Чебоксарах в большом помещенье
Пред лицом современных безбожных судей
Страдальцы Христовы ждали решенья
От продажных и злобных людей.

Прокуроры и судьи им предлагали
Отречься от веры и бога забыть,
Но страдальцы врагам на то отвечали:
Не можем не верить, чего вместо Бога любить?

И все они с верой живой и глубокой
Стоят пред судом с веселым лицом,
Не боятся страданий и смерти жестокой,
А земная-то прелесть им совсем нипочем.

Судите нас строго, тираны,
Бросьте свободой прельщать,
Мучьте, страдайте, давайте нам раны,
Все мы согласны сейчас умирать.
Тут был им зачитан приговор вскоре:
Одиннадцать странников всех расстрелять,
Благодарны, спасибо, — со спокойствием во взоре
Сказали: нам лучшего нечего ждать.

После всего их всех разлучили,
По камерам в крепких стенах,
На два замка заключили,
Чтобы нагнать им предсмертный страх.

Тут они слезно молили

И днем, и в полночной тишине,
 А потом с тюрьмой распростились,
 Поставлены были к оградной стене.
 В глухую полночь их всех выводили,
 Связывали руки им крепко назад,
 Из «черного ворона» в бокс посадили
 И взяли для них автоматов заряд.

Лихо машина в просторе гудела,
 А потом подвезли их к опушке лесной,
 Только луна тогда с неба глядела,
 И видела, почему автобус вернулся пустой.

Что с вами было, когда вы стояли
 У ямы могильной сырой,
 Пули в сердце себе ощущали,
 Умом вы прощались с дружиной своей.

Вот самый момент наступает,
 Стрелок уж прицелом гремит,
 Курок на капсуле опускает,
 И пуля им в сердце летит.

Тогда они видят небо отверстым
 И ангелов светлых, летящих по ним,
 Понесут их к чертогам небесным,
 А на месте страданий и выстрел затих.

Слава на небе вас всех ожидает
 И сонмы святых вам навстречу идут,
 Спаситель с венцом вас встречает,
 Небожители в семью вас примут.
 А где ваши мощи, мы, братья, не знаем,
 От нас утаили враги навсегда,
 Ходить на прах ваш сильно желаем,
 Но нет к ним никакого следа.

Страдальцы двадцатого века,
 Спите вы тут до судного дня,
 Не забудьте пред Богом человека,
 Кто сложил вам стих сей, любя.

Три представленных выше бегунских текста связаны с идеей дороги в трех ее вариантах. Первый живописует реальный путь бегства странников от врагов веры в леса — пустыню, а также страхи и лишения, которые там их настигают. Второй стих — о разлуке с любимым пастырем — показывает трудности духовного пути, в котором остался корабль без кормила. Третий стих, посвященный расстрелу бегунских страдальцев, говорит об их эсхатологической дороге: они видят небо отверстым, и ангелы несут их в царство небесное.

Можно заключить, что пути-дороги в фольклоре старообрядцев проложены по самым разным тематическим пространствам духовных стихов. Мы постарались показать, что стихи теснейшим

образом связаны с реальным жизненным опытом носителей этой культуры. Этот опыт воплощен в завидном соответствии образа жизни образу мыслей, обусловленных верой, и связан с идеей спасения как смысловым центром, к которому эти дороги устремлены и в жизни, и в стихах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 1979. Кезский, Чердынский районы, Пермский край.
- ПМА 1998. Мезенский район, Архангельская область.
- Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. СПб., 2002.
- Даль В. И. Толковый словарь Даля: в 4 т. М., 1978. Т. 1, 3.
- Дутчак Е. Е. Из «Вавилона в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — XXI в.) Томск, 2007.
- Дутчак Е. Е. Человек и трансцендентный мир в представлениях старообрядцев-странников второй половины XIX — XX вв. // Старообрядческая культура Русского Севера: тез. докл. и сообщ. Каргопольской науч. конф. М.; Каргополь, 1998. С. 49–53.
- Духовные стихи Русского Севера/сост. В. П. Кузнецова; нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2015.
- Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.
- Никитина С. Е. Роль старообрядцев в нестарообрядческих селениях Севера // Старообрядческая культура Русского Севера: тез. докл. и сообщ. Каргопольской науч. конф. М.; Каргополь, 1998. С. 61–63.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 9-е изд., испр. и доп. М., 1972.
- Романова Е. В. Массовые сожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012.
- Сморгунова Е. М. Портреты и образы наших «благодетелей». Портрет первый: Матушка Галина // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5. С. 179–197.
- Сморгунова Е. М. Старец Никита Семенович и догматика бегунства (по рукописям пермской коллекции МГУ) // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения: материалы науч. конф. Пермь, 2001. С. 87–108.
- Хрушкая Л. Н. История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII–XVIII веках // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003.
- Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье (очерк из быта поморов) // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. 1912. № 4. С. 156–165.
- Чагин Г. Н. Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XXI вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. С. 258–272.
- Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: в 2 т. М., 2002.

THE ROAD IN THE LIFE AND SPIRITUAL VERSES OF OLD BELIEVERS IN THE RUSSIAN NORTH

ABSTRACT. The article is based on the texts by Old Believers of the Russian North. It discusses types of forced and voluntary migrations of individuals and local groups caused by external or internal factors. The North, which was a land of criminals' and dissidents' exiles, Old Believers being among those, attracted also free people seeking to establish their faith in new areas. Both were ready for sudden changes and dangers, which implied increased mobility. New settlements were founded and spiritual works were created, including spiritual verses. In many of them the idea of the road was present both as of a physical earthly space and a spiritual path of life, as well as an eschatological road to the other world. A remarkable unity of the way of life and the way of thinking is evident in the Old Believers' culture of *wanderers (stranniki)*. Missionary journeys, escapes from the "enemies"—the Church and secular authorities, forced expulsion of pastors from the group, i. e. arrests, are reflected in their stories and spiritual verses. Complete texts of three previously unknown verses are presented in the article with the commentary by the author.

KEYWORDS: Russian North, Old Believers' culture, types of migrations of Old Believers, mobility, road in physical earthly space, spiritual path of life, eschatological road, wanderers, escapes, spiritual verses, texts

SERAFIMA E. NIKITINA — Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

E-mail: seniki38@mail.ru